

«Бывает так, что волшебство поэзии продолжает жить по ту сторону пространственных границ, за рубежом эпохи. В саду возле дома или замкнувшись у себя в комнате, Дикинсон совсем одна совершила чудо: подарила Америке свой голос истинно лирического поэта, открыла новые горизонты для поэзии и языка, оставила драгоценное наследие. Современнейший поэт даже среди поэтов нашего века, она уловила точку пересечения, если хотите, вневременного с временем».

Лирика Эмили Дикинсон до сих пор сохранила первозданную свежесть и оригинальность, но, порожденная своей эпохой, она кровно и органически с ней связана. В любом стихотворении Дикинсон, даже самом сокровенном или самом философски углубленном, можно найти «точку пересечения с временем», не сиюминутным, а историческим, выпестованным в ходе долгого развития.

Эмили Дикинсон остро ощущала подземные толчки и сдвиги: трещина проходит сквозь сердце поэта. Она была свидетельницей того, как рушатся старые идеалы, как «машинный век» теснит патриархальные сельские общины. Заколебалась даже стойкая вера пуритан — наследие первопоселенцев, ее предков. Не только в Бостоне, культурном центре Новой Англии, но даже в отсталом Амхерсте, городке, в котором Дикинсон провела всю свою жизнь, общество менялось и перестраивалось на ее глазах. Но именно время перемен, время поисков, сомнений и катастроф нередко способствует рождению великой поэзии.

В своих стихах Эмили Дикинсон уподобляет поэзию «молнийным ударам» грозы, высветляющим окружаю-

щий мир. Тем самым подлинный поэт берет на себя титаническую задачу, которая требует безмерного напряжения сил. Он как бы сам становится «электрическим эмбрионом». Поэтическая мысль Дикинсон пульсирует яркими вспышками, непрерывно расширяя до космических пределов границы мира, познанного и неизведанного.

Встает вопрос, как могла девушка, почти не покидавшая свой родной дом, накопить такой богатый душевный и жизненный опыт? «Биография — главным образом — говорит о том — как ускользает биографируемый», — некогда заметила в одном из своих писем Эмили Дикинсон.

Про нее говорили, что всю историю ее жизни можно суммировать в трех фразах: «Родилась в Амхерсте. Жила в Амхерсте. Умерла в Амхерсте». Реконструкция ее жизни как будто проста, но в то же время ставит перед исследователем ряд парадоксальных загадок.

Предки Эмили Дикинсон были пуритане, некогда бежавшие из Англии, где они подвергались религиозным гонениям. В середине девятнадцатого века пуританский уклад жизни — уже анахронизм, респектабельная традиция, но в семье Дикинсон он еще держался прочно, что называется, въелся в плоть и кровь.

Дикинсоны принадлежали к верхушке местного общества. На главной улице стоял их каменный дом с садом, а позади расстилался принадлежавший им луг. В поэзии Эмили живут прекрасные тихие пейзажи, внезапно взрывающиеся бурями и ураганами.

Ортодоксальный кальвинизм учил, что человек изначально греховен и все радости жизни для него за-

претны. Запрещались танцы, посещение театра. Эмили Дикинсон лишь на фотографии могла увидеть великого артиста Сальвини. Но Амхерст был все же культурным городком. Образование в нем ценилось: нужны были адвокаты, медики, миссионеры. Дед Эмили Дикинсон содействовал созданию колледжа, отец был крупным законоведом, энергичным общественным и политическим деятелем. Сенатор штата и член конгресса, он собирал у себя в доме выдающихся людей своего времени. Суховатый и жесткий ригорист, Дикинсон даже свои отношения к богу оформил вполне официально. После его внезапной смерти в кармане нашли расписку: «Настоящим вручаю себя господу богу». Эмили сказала о нем: «Его сердце было чистым и ужасным — я думаю — что второго такого не существует».

Сухой педантизм отца сковывал молодое поколение: Эмили, ее сестру Лавинию и брата. Ни одному из них не удалось обрести подлинную свободу. «Меня заперли в прозе», — сказала Эмили. В поэзии ее бытуют мотивы бессильного мятежа, неудачных попыток к бегству.

Как вспоминают знавшие ее, Эмили Дикинсон была в юности общительной, веселой, остроумной. Она сыпала шутками, меткими эпиграммами, даже в легком разговоре сквозил острый ум. Училась Эмили в женском колледже, где преподавали языки, литературу, естественные науки. К ее услугам была большая библиотека отца. Она любила Шекспира, Китса, увлекалась новой английской и американской литературой. Ее интересовало творчество женщин: Жорж Санд, сестер Бронте — Шарлотты и «гигантской» Эмили, Элизабет Баррет Браунинг, Джордж Элиот.

В Бостоне уже в тридцатых годах началось брожение умов, но в Амхерст либеральные идеи пришли с большим опозданием. «Вольнодумные книги» в доме Дикинсонов молодежь прятала под крышкой рояля.

Прогрессивные для того времени американские философы и просветители восстали против окостенелых догм мрачного кальвинизма. Наиболее знаменит среди них был философ, поэт и блестящий оратор Ралф Уолдо Эмерсон (1803—1882). Он выступал во многих городах, в том числе и в Амхерсте, со своими красноречивыми лекциями и всюду имел большой успех.

Эмерсон призывал к интуитивному познанию мира, вне церковных стен, на лоне прекрасной, дикой природы. Красота мира как бы вновь открывалась глазам людей, удивляя их, и это удивление становилось первой ступенью познания.

Эмерсон преподавал также этический урок жизни, утверждая самостоятельную ценность человеческой личности, «самостояние человека», если пользоваться пушкинским термином. Он выступал также против стремительно растущего промышленного капитализма с его культом доллара и делячества, против урбанизации Америки. Однако возврат к патриархальным устоям был уже невозможен. Время для идиллических утопий прошло. В городах противостояли друг другу два враждебных полюса: неслыханная нищета и «позолоченная» роскошь.

Эмили Дикинсон восприняла многие идеи Эмерсона, они носились в воздухе, подсказанные самой историей, но пошла гораздо дальше в своем смелом и разрушительном анализе.

В 1854 году семья Дикинсон посетила Вашингтон и Филадельфию. Во время этой поездки Эмили встретила и полюбила человека, с которым не могла связать свою судьбу. Сильное чувство стало источником поэтического вдохновения. Любовь в ее стихах вырастает до космических размеров, образ возлюбленного соперничает с богом и порой подменяет его. Любовная лирика сливается с философской. Мощно и напряженно звучат темы разлуки, отречения от любви.

Но было бы неверно замкнуть творчество Эмили Дикинсон только в сфере личных переживаний, для этого диапазон ее поэзии слишком широк.

В своих письмах Эмили Дикинсон иной раз полушутливо декларировала равнодушие к политике, вероятно, порожденное отвращением к политиканству и оппортунистической демагогии. Но не случайно творчество Дикинсон достигло расцвета в начале шестидесятых годов девятнадцатого века: это было время больших потрясений для Америки. Именно тогда происходила война между Северными и Южными штатами, и даже в глухом углу провинции, где жила поэтесса, люди хоронили своих сыновей.

В 1860—1862 годах стихи льются потоком, никогда больше Эмили не будет творить так интенсивно. Очень быстро произошло становление в высшей степени своеобразного поэтического стиля, не имевшего аналогий в американской литературе того времени.

Наследие Дикинсон — словно поэтическая лаборатория, остановленная в ходе непрерывного эксперимента. Даже близкие люди не представляли себе, какому напряженному подвижническому труду предавалась

Эмили урывками, в часы, свободные от домашней работы. Девушки в пуританской семье не проводили время в изящном безделье, как английские мисс. «Время кажется коротким и тесным — как платье — из которого выросли», — говорит она о своем дне, полном хозяйственных забот.

После ее смерти Лавиния нашла в ящиках бюро Эмили ворох бумаг. Посреди груды счетов, записок, писем, всевозможных хозяйственных мелочей, во множестве лежали тоненькие тетрадки со стихами, переписанными набело. Тут же хранились и черновые наброски, как бы эскизы, на самых разных стадиях завершения.

Творчество Эмили Дикинсон воспринимается как живой динамический процесс, в непрерывном развитии и восхождении.

«Не то что сотворили звезды — но то — что они еще сотворят — вот чем держится небо», — сказала Дикинсон в одном из своих писем.

Даже в беловых рукописях к тому или иному эпитету нередко добавлен столбиком внизу страницы ряд вариантов — свидетельство неутомимых поисков: «Я не знаю, какое слово выбрать — потому что могу взять лишь немногие — и каждое должно быть главным».

Иногда стихи существуют в нескольких версиях. Процесс работы обнажен, открыт для анализа, но конечный результат остается тайной. Что Эмили Дикинсон отбросила бы, что оставила? Мы этого не знаем. Вечная загадка для текстологов, когда перед ними рукописи, которые сам автор не подготовил к печати.

Эмили Дикинсон сделала несколько попыток ознакомить «литературных знатоков» со своими стихами.

Но знатоки эти, привыкшие к устойчивым шаблонам, сочли ее стихи негодными для печати без коренной переработки.

В американской поэзии середины девятнадцатого века задавали тон опытные версификаторы, эпигоны английских романтиков. «Элегические куку» (пользуясь словами Пушкина) вполне отвечали вкусам публики. Поэзия в популярных журналах носила вторичный, «колониальный» характер. Америка словно бы еще находилась на задворках Европы.

Известный в Новой Англии писатель, публицист и критик Томас Уэнтворт Хиггинсон в 1862 году обратился к молодым американцам с просьбой смелее посылать свои сочинения в редакции журналов. Он ратовал за создание американской национальной литературы. Эмили Дикинсон послала ему на суд несколько стихотворений. Впоследствии они вошли в антологии американской поэзии как жемчужины лирики. Хиггинсон ответил в снисходительном тоне, порекомендовав писать «по правилам», а пока не печататься. Но именно благодаря переписке с Эмили Дикинсон имя его осталось в истории американской литературы.

«Я улыбаюсь — когда вы советуете мне повременить с публикацией, — эта мысль мне чужда — как небосвод плавнику рыбы.

Если слава — мое достояние, я не смогу избежать ее — если же нет, самый долгий день обгонит меня — пока я буду ее преследовать — и моя Собака откажет мне в своем доверии, вот почему — мой Босоногий ранг лучше».

Ответное письмо Эмили Дикинсон полно спокойно-го достоинства. Пойти на компромисс в погоне за попу-

лярностью она была неспособна и приняла решение раз и навсегда: не отдавать свои стихи в печать. Вот почему не существует прижизненных изданий лирики Эмили Дикинсон.

Посвятив себя своему призванию, Эмили стала постепенно отдаляться от общества. Она носит только белые платья и все реже появляется на людях. Постепенно «девушка в белом» стала легендой Амхерста.

И опять парадокс — круг знакомств Эмили расширяется, она ведет большую переписку: «Письмо всегда казалось мне вечностью, потому что оно — мысль сама по себе, без своего телесного друга. Наша речь зависит от жеста или ударения — а письмо — словно спектральная сила мысли — движется в одиночестве».

В середине семидесятых годов затворничество становится абсолютным. Встреча — слишком большое впечатление. Эмили не находит в себе душевных сил, чтобы видеться с самыми близкими друзьями, они слышат только ее голос из соседней комнаты. Разговор ведется через полуоткрытую дверь.

На склоне лет Эмили вновь пережила большую любовь, на этот раз счастливую и разделенную, но любящие уже не молоды, жизнь переделывать поздно.

Смерть навевается все чаще и чаще, унося одного за другим самых дорогих и близких друзей. Потеря маленького племянника — последний удар, Эмили угадает.

В мае 1886 года набросана последняя записка: «Отозвана назад. Эмили».

Первый сборник стихов Дикинсон вышел в 1890 году с предисловием Хиггинсона, в котором он назвал ее по-

эзию странной, необычной, несовершенной, но, впрочем, полной счастливых находок. Успех превзошел все ожидания, и лишь тогда Хиггинсон написал Лавинии: «У меня такое чувство, будто мы поднялись на облако и за ним нашли и открыли новую звезду».

Вскоре скандальный процесс о литературном наследстве приостановил дальнейшие публикации. Рукописи надолго попали под замок и лишь в пятидесятых годах двадцатого появились научные, по возможности полные издания стихов и писем.

Творческое наследие Эмили Дикинсон включает в себя около двух тысяч стихотворений и замечательные письма. Эти письма — проза поэта. Сжатые до предела мысли, неожиданные и смелые метафоры стремятся войти в грани стиха, словно из насыщенного раствора выпадают кристаллы.

Первые стихи Эмили, шуточные, из студенческого репертуара, были хорошо зарифмованы и не нарушали общепринятых в ее время правил просодии. Но рамки эти были тесны для Эмили Дикинсон, и она начала искать средства новой выразительности, свой собственный поэтический язык: «Я сама смешиваю свои краски».

Исследователь ее творчества Ч.-Р. Андерсон говорит: «Эмили Дикинсон экспериментировала с языком как открыватель новых земель. Язык давал ей возможность пережить увлекательные приключения. Он помогал ей открыть с удивлением, всегда новым, то, чего никто не видел ранее. Она обращалась со словами так, словно первая нашла их, с радостью и благоговением, которые английская поэзия потеряла после Возрож-

дения. А также со свободой творца: создавая новые слова, смело оперируя с доставшимся ей по наследству словарем, опрокидывая синтаксис, перекашивая рифму».

Эмили Дикинсон взяла за основу размер и строфы знакомых ей с детства протестантских гимнов, но их монотонные размеры прошиты изысканными модуляциями ритма. Стих пульсирует, как живой.

Необычен способ записи стихов. Паузы размечены при помощи тире, пунктуация почти отброшена. Группы слов выделены ритмически и по смыслу, между ними лежит почти осязаемое пространство.

Поэтический язык Эмили Дикинсон очень смел для того времени. Она вводила в него неологизмы, научные термины, бытовые «домашние слова», добывая ароматы «из самых ординарных слов — замусоривших двор». Латинские и греческие слова она сталкивала с англосаксонскими. Недаром толковый словарь Уэбстера был ее любимым чтением. Своеобразен ее синтаксис с неожиданными причудливыми инверсиями. Привычные грамматические связи нередко летят за борт, как балласт.

Рифмы, часто неточные, «бедные», возникают и исчезают, как эхо, но ткань стиха изобилует аллитерациями, как в поэзии Шекспира. Дикинсон любит консонансы, иногда рифма — один лишь последний согласный звук, как шелканье ключа.

Ранняя лирика Дикинсон (пятидесятые годы, отчасти начало шестидесятых) во многом описательна, красочно нарядна. Поэтесса пробует свои силы иногда не без некоторого кокетства: кто еще может в нескольких строках создать такую феерию красок и звуков?